

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.010-016

О ГОСУДАРСТВЕ И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
400089, Россия, г. Волгоград, Историческая ул., д. 130

grachev.n.i@mail.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,

главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры
истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

valentinorum@mail.ru

© Грачев Н. И., Румянцева В. Г., 2025

***Аннотация.** Кризисное состояние современных государств и государственности заставляет социальные науки искать глубинные причины такого положения. Теория традиционализма отрицает парадигму прогресса и линейного социального движения, признает инволюцию государства и права XXI в. В статье исследуется концепция государства и верховной власти в ракурсе традиционализма. В социальных науках, основанных на парадигме прогресса, для отделения современного западного общества, в котором господствуют рациональное знание и светская этика, от современных цивилизаций за его пределами и обществ предыдущих эпох, мировоззренческим ядром которых были и остаются собственные духовные и нравственные ценности, по отношению к последним используется понятие «традиционное общество». В авангарде всё так же находится модернизация традиционных обществ по западному образцу, их вестернизация, конечным пунктом которой объявляется формирование в них капиталистической экономики и демократической государственности. Несмотря на то что теория модернизации подвергается серьезной критике, так как на практике ведет к неокOLONIALной зависимости развивающихся стран от Запада, модернизационный дискурс в общественных науках остается по-прежнему доминирующим.*

***Ключевые слова:** государство; право; власть; суверен; суверенитет; религия; мифология; политика; традиционализм; традиции; традиционное общество; органическое государство; эволюция; инволюция.*

THE STATE AND SUPREME POWER: THE THEORY OF TRADITIONALISM

Nikolay I. Grachev,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
grachev.n.i@mail.ru

Valentina G. Rumyantseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Editor-in-Chief of the Journal «Russian Law Online»; Department of the State History and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
valentinorum@mail.ru

***Abstract.** The crisis of modern states and statehood compels the social sciences to seek underlying causes. Traditionalist theory rejects the paradigm of progress and linear social development, recognizing an involution of the state and law of the 21st century. This article examines the concepts of the state and supreme power from a traditionalist perspective. Within social science frameworks shaped by the progress paradigm, modern Western society — marked by rational knowledge and secular ethics — is contrasted with civilizations beyond its borders and with earlier societies whose ideological cores remain rooted in distinct spiritual and moral values; the latter are labeled «traditional societies». The dominant agenda remains the modernization and Westernization of these traditional societies, ostensibly culminating in the establishment of capitalist economies and democratic statehood. Although modernization theory has been widely criticized for promoting neocolonial dependence of developing countries on the West, modernization discourse still predominates in the social sciences.*

***Keywords:** state; law; power; sovereign; sovereignty; religion; mythology; politics; traditionalism; traditions; traditional society; an organic state; evolution; involution.*

Современная теория государства строится на стадильно-линейной концепции прогресса, согласно которой история человечества проходит через этапы, каждый последующий из которых качественно превосходит предыдущие. Для такой теории характерны постулаты:

- линейное понимание времени и уверенность, что история имеет устремленный в будущее смысл;
- единство человечества, его эволюционирование по одному пути;
- непрерывное улучшение мира посредством рациональной деятельности людей (хозяев природы).

«Идея прогресса является одной из теоретических предпосылок модерна»¹ (Ален Бенуа). Хотя идея прогресса зародилась еще в Древнем мире, в учениях античных материалистов (Демокрит, Эпикур, Тит Лукреций Кар), свое законченное выражение и доминирование в науке она получила лишь в XVIII в., когда с развитием буржуазных отношений распространились материалистические воззрения и атеизм, подменившие собой духовные ценности.

В Древнем мире и Средневековье общественное мировоззрение имело по преимуществу религиозно-мифологический характер, в нем господствовала циклическая доктрина. Это полное отрицание идеи прогресса, которое видим и во всех духовно-этических системах (индуизме, зороастризме, конфуцианстве, буддизме, даосизме, древнегреческой и древнеримской религиях, иудаизме, христианстве, исламе), а

¹ Бенуа А. Краткая история идеи прогресса // Против либерализма. К Четвертой политической теории. СПб. : Амфора, 2009. С. 120.

также в произведениях литературы и науки. Подобная трактовка содержится в поэме Гесиода «Труды и дни», она же занимает важное место в проекте идеального государства Платона, концепции кругооборота государственных форм греческого историка Полибия, сочинениях римских поэтов Вергилия и Овидия и пр.

Генезис цивилизаций, согласно доктрине циклизма, движется в нисходящем направлении (от высшего к низшему): «Развитие всякого проявления с необходимостью предполагает постепенно ускоряющееся движение в сторону удаления от порождающего Принципа»². Будучи творением Божьим, человек с течением времени забывает Создателя — и начинается инволюция: золотой век сменяется серебряным, бронзовым, железным и т.д. Так мир приближается к концу света. Удел человека — «быть современником гибельной эпохи и терпеть это, осознавая то место, которое занимает данная эпоха на нисходящей траектории космического цикла»³. Стоит упомянуть, что в большинстве древних традиций есть мифы о вечном возвращении, когда золотой век может повториться однократно (иудаизм, христианство, ислам) или многократно (индуизм и другие восточные религии): периоды разложения и упадка чередуются с периодами справедливости и порядка, когда вновь и вновь наступает Священное царство.

Наиболее серьезный вызов концепциям прогресса и модернизации был брошен теорией традиционализма, истоки которой лежат в идеологии консерватизма. В частности, критическая реакция на Великую французскую революцию со стороны роялистов — изобличение первопричин революции, которая сосредоточилась «на метафизических и религиозных предпосылках мышления XVIII в.»⁴. Приоритет безоговорочно отдавался государственно-правовым традициям. Само традиционное государство объявлялось органичным. В результате — обращение к органической теории. «Государство — та же самая длящаяся вещь, целое, подобное некоему животному, всегда являющемуся самотождественным, возраст которого не способен изменить его идентичность»⁵ (Жозеф Местр).

Позже основатель интегрального традиционализма Рене Генон представляет такие понятия, как «традиционное общество», «традиционная цивилизация», «примордиальная традиция». Мыслитель указывает, что «в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях, — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно антитрадиционную цивилизацию, или цивилизацию современного Запада»⁶.

Традиция фундирует всякое здоровое общество, от нее берет свое начало вся совокупность общественных институтов. Содержание примордиальной традиции — передаваемое из поколения в поколение сакральное знание о первопринципах организации мира с доисторических времен. Примордиальная традиция — мерило истины, метафизика, независимая «от всех конкретных религиозных систем или верований и одновременно присущая каждому подлинному и аутентичному религиозному учению»⁷. Не принадлежа ни к одной из конкретных религий, она служит и их источником в качестве единой истины, и языком для толкования всего в традиционных религиозно-мифологических системах.

Традиция всегда присутствует в современности, а современность — в традиции, в социальной жизни всегда есть место противоположным тенденциям: «В моменты кажущегося явного преобладания нисходящей тенденции в ходе одного из циклов развития мира происходит некое особое вмешательство, позволяющее укрепить

² Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 14.

³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные сочинения. М. : Ладомир, 2000. С. 97.

⁴ Исаев И. А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М. : Проспект, 2011. С. 87.

⁵ Местр Ж. Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных // Об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных. СПб. : Алетейя, 2017. С. 43.

⁶ Генон Р. Кризис современного мира. С. 28–29.

⁷ Тонтон Г. Примордиальные традиции. М. : Тотенбург, 2022. С. 7–8.

противоположную восходящую тенденцию и восстановить, насколько это позволяют конкретные условия, некоторое, пусть даже относительное, равновесие»⁸.

Что касается современной западной цивилизации, то, по мнению Рене Генона и его последователей, она давно утратила связь с традицией, развиваясь в чисто материальном направлении, и, «кроме того, угрожает окутать своим собственным мраком весь мир»⁹. Отрицая парадигму прогресса и линейного развития, теория традиционализма признает безнадежной и эволюцию типов государства и верховной власти в сторону либерализации. В эпоху модерна внутреннее единство общества либо отсутствует, либо искусственно.

Духовное, религиозное и моральное состояние общества не представляет интереса для современного демократического государства. Отделив право от религии и политику от морали, либеральная идеология отвергла органический характер государства; органический взгляд на политическую природу вещей оказался ей глубоко чужд, поскольку государство стало всего лишь набором политических и правовых структур, легко поддающихся рационализации, нормированию и регулированию.

Отсюда проистекает самодовлеющий формализм западной правовой системы:

- отрицается естественная социально-политическая иерархия;
- признаются высшими ценностями формальное (юридическое) равенство индивидов и их личная свобода, понимаемая в качестве освобождения от ограничений, кроме экономических, обусловленных имущественным положением.

Сама жизнь переводится в область материального существования, где представления о реальности опираются исключительно на телесное, по отношению к которому любые философские взгляды вторичны. В противоположность этому теория традиционализма покоится на дуалистическом восприятии мира. «Мир бытия и мир становления затрагивает вещи, демонов и людей»¹⁰ (Юлиус Эвола). Например, это будут следующие полюсные пары:

- порядок физический и порядок метафизический;
- низшее царство и высшее царство;
- зримое (осязаемое) и незримое (неосязаемое).

Великие традиционные цивилизации — империи, монархии, аристократические республики или полисы — «в лучший период своего существования в большей или меньшей степени носили органичный характер», их единство имело и политическое, и духовное измерение, а «“органичное” и “традиционное” в широком понимании становились почти синонимами»¹¹.

Традиционализм рассматривает государство в качестве организма — духовного единого целого, интегрирующего в себя этносы, территории, конфессии, сословия без их подавления или жесткого принуждения. «Только исходя из представления о цельности можно говорить о государстве или империи как о политическом организме»¹² (Игорь Исаев). Единство и целостность такого организма требуют юридической неограниченности его верховной власти и ее персонификации, и присутствующее в нем многообразие составных этнокультурных элементов, особенно заметное в империи, детерминирует управленческую децентрализацию, «масштабы которой могут быть тем шире, чем более духовным и в некотором роде трансцендентным характером обладает объединяющий центр, чем могущественнее его верховная уравнивающая сила, его глубинное влияние»¹³.

Государство фундирует идея верховной власти. Для традиционного государства верховная власть сакральна. Царь — одновременно и первосвященник с трансцендентными сверхчеловеческими способностями ввиду божественного происхождения. «Царь, обладавший неземной силой, укорененной в “больше-чем-жизни”,

⁸ Генон Р. Кризис современного мира. С. 16.

⁹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М. : Беловодье, 2015. С. 42.

¹⁰ Эвола Ю. Восстание против современного мира. М. : Прометей, 2016. С. 23.

¹¹ Эвола Ю. Люди и руины. М. : Опустошитель, 2019. С. 66–68.

¹² Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние. М. : Проспект, 2009. С. 43.

¹³ Эвола Ю. Люди и руины. С. 68.

естественным образом представал как тот, кто по преимуществу способен обеспечить действенность силам обрядов и открыть пути, ведущие в высший мир»¹⁴.

Архитектура архетипа царской власти, ее функции построены на древнейших мифах и их символике. В мифологической картине вселенной царь — центр, духовная твердыня в непрерывном потоке колеса Сансары (метафоры описания цикличности бытия). Царь-жрец, король-маг, князь-волхв, священный император, то есть священный вождь, находится на вершине социальной и политико-правовой иерархии.

Символическая фигура идеального правителя, поддерживающая связь между землей и небом, есть практически во всех религиозных традициях:

— в индуистской мифологии — Чакраварти (который также ассоциируется с Ману¹⁵);

— Китае — сакральный император Хуан-ди;

— иудеохристианстве — Мелхиседек;

— Древнем Риме — Янус.

Идеальный правитель ассоциируется со справедливостью и истиной. Он — ативарна, человек вне каст, стоящий выше всех социальных различий, хранитель гармонии, порядка, закона. Понятие закона в традиционном государстве выходит за рамки обыденного, профанного мировоззрения. Закон есть следование каждого собственной природе. Правопорядок отвечает внутреннему духовному и витальному строению человеческого организма. Идея справедливости, по Платону, роднится с «принципом, согласно которому каждый должен исполнять функцию, соответствующую собственной природе»¹⁶. Платон предлагает не абстрактную утопию, он повторяет традиции древности: «Справедливо отдавать каждому должное»¹⁷. Правовые системы традиционных государств руководствуются священными писаниями (Законы Ману и Веды, Авеста, конфуцианские произведения, Тора, Библия, Коран и Сунна, Великая Яса и др.). Священные тексты прежде всего имеют теологическое и этическое, а лишь затем юридическое значение, когда через богооткровения трактуются справедливость и истина.

Реальный земной правитель для легитимации должен отождествляться с идеальным правителем и органически сочетать в себе идеологическую и управленческую функции. В общественном сознании неявно проступает образ именно такого истинного правителя — суверена, воплощающего небесную волю. Суверен — обладатель всей полноты и духовной, и мирской власти, вокруг него происходят структуризация и институционализация государства и права, где народ, территория — «продолжение царя-жреца, его тело или тень»¹⁸.

Природа государства столь же сакральна, как и природа церкви. Царский сан, по сути, равен священническому. В обряде посвящения царь принимает власть (не получает), которую церковь хранит (не обладает). Хотя Рене Генон ставит во главу угла духовное владычество, а царствие на земле рассматривает как временную власть: «Духовное владычество именно потому, что оно в самом себе заключает это знание, также в самом себе обладает и незыблемостью»¹⁹. А вот Юлиус Эвола, напротив, ссылаясь на священные тексты индуизма и Ветхий завет, доказывает первенство царского сана: «Царский тип представлен здесь в соответствии со своей ценностью мужского принципа, который превосходит, индивидуализирует, подчиняет и “триумфально” правит духовной силой, представляемой в образе матери и

¹⁴ Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 31.

¹⁵ Ману — законодатель первозданных времен, его имя в несколько измененном виде встречается в текстах многих народов древности: Менес — у египтян, Менва — у кельтов, Минос — у греков.

¹⁶ См.: Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 43.

¹⁷ Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 105.

¹⁸ Дугин А. Г. Философия политики. М. : Арктогея, 2004. С. 96.

¹⁹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. С. 39.

женщины»²⁰. И в Законах Ману, с одной стороны, утверждается приоритет брахманов над кшатриями, с другой стороны, признается: «Брахман считается корнем дхармы, кшатрии — ее вершиной»²¹. Интересен тот факт, что в самых древних традициях сословие жрецов пополнялось только представителями воинской знати. Отголоски правила есть в платоновской концепции идеального государства, когда правители — это те, «которых мы недавно называли совершенными стражами»²².

К какому бы из высших сословий ни принадлежала верховная власть, социально-политический порядок традиционного государства всегда строится на принципе сакральной иерархии²³. Органическое государство — иерархически упорядоченное единство народа, а также единство политико-правовой системы и духовно-нравственных ценностей народа. Базис такой иерархии — не политический или экономический статус индивидов, а их духовный уровень.

«В современную эпоху иерархия стала “социальной стратификацией”, т.е. подавленной иерархией, постыдной или неосознаваемой»²⁴ (Луи Дюмон). Сакральная иерархия сословий постепенно заменяется профанной социальной стратификацией. Акт узурпации верховной власти воинской аристократией (революция кшатриев) ограничивает священство идеологическим обоснованием светскости монаршей власти. Традиция не отменяется, а трансформируется в абсолютизм. В Новое время буржуазия, носитель идей формальной свободы и юридического равенства, ниспровергает сословный строй. Протестантизм сменяет сакральность военной аристократии фрагментированной сакральностью буржуа. С переходом к позитивизму, либерализму начинается полная секуляризация общественной жизни; XX век — эпоха революции шудр.

Что же XXI век? Юлиус Эвола, например, прорицает инволюцию государственности — приход к власти пятого сословия, лиц без традиций, оторвавшихся от своих корней, деградирующих духовно. Это «инфернальные силы, силы хаоса, которые уже не принадлежат собственно человеческому миру»²⁵. Так философ интерпретирует эсхатологические концепты. И его прогноз подтверждается сейчас тенденциями всё более ускоряющегося морального упадка, профессиональной деградации правящих элит современных государств, особенно западных стран, ибо «пришествие пятого сословия необходимо рассматривать не только в социальном или политическом контексте, но и на уровне личности, точнее — разрушения личности»²⁶.

По мере погружения человечества в материальное обнаруживается рост нестабильности в социальной, политической и правовой сферах. Вещизм под маской прогресса толкает нас к регрессу. Сохраняется вера в то, что господство пятого сословия, знаменуя собой последнюю фазу нисходящего исторического цикла, приведет к осознанию фатальности инволюции. Однако вряд ли всё произойдет само собой. Требуется кардинальная реконструкция политико-правовой теории, восстановление первичных идеологем государства и верховной власти.

Традиционализм показывает нам высокодуховный характер органического государства, тогда как практически полная десаκραлизация верховной власти ослабляет государство и его суверенитет. Меж тем государство и в XXI в. остается надежной опорой народов и цивилизаций. Загадочная, иррациональная природа власти рождает верховных правителей, способных быть и политическими, и духовными лидерами, во всяком случае пока есть государствообразующий народ. А потому рано или поздно вновь возвратится золотой век...

²⁰ Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 31.

²¹ Законы Ману. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 440.

²² Платон. Государство. С. 236.

²³ Иерархия в переводе с древнегреческого — «священная власть».

²⁴ Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001. С. 91.

²⁵ Эвола Ю. Пришествие пятого сословия // Warha. 2019. № 6. С. 114.

²⁶ Эвола Ю. Пришествие пятого сословия. С. 112.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бенуа А. Краткая история идеи прогресса // Против либерализма. К Четвертой политической теории. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. — С. 120–132.
2. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. — М. : Беловодье, 2015. — 208 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира. — М. : Эксмо, 2008. — 784 с.
4. Дугин А. Г. Философия политики. — М. : Арктогея, 2004. — 616 с.
5. Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. — СПб. : Евразия, 2001. — 480 с.
6. Законы Ману. — М. : Эксмо-Пресс, 2002. — 496 с.
7. Исаев И. А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. — М. : Проспект, 2011. — 400 с.
8. Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние. — М. : Проспект, 2009. — 175 с.
9. Местр Ж. Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных // Об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных. — СПб. : Алетейя, 2017. — С. 27–78.
10. Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Ч. 1. — СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. — С. 97–493.
11. Тонтон Г. Примордиальные традиции. — М. : Тотенбург, 2022. — 458 с.
12. Эвола Ю. Восстание против современного мира. — М. : Прометей, 2016. — 476 с.
13. Эвола Ю. Люди и руины. — М. : Опустошитель, 2019. — 296 с.
14. Эвола Ю. Пришествие пятого сословия // Warha. — 2019. — № 6. — С. 110–114.
15. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные сочинения. — М. : Ладомир, 2000. — С. 23–124.

REFERENCES

1. Benua A. A brief history of the idea of progress. In: Against liberalism. To the Fourth Political Theory. St. Petersburg: Amfora Publ.; 2009. (In Russ.).
2. Genon R. Spiritual Authority and Temporal Power. Moscow: Belovodje Publ.; 2015. (In Russ.).
3. Genon R. Crisis of the Modern World. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Dugin AG. Philosophy of Politics. Moscow: Arktogeya Publ.; 2004. (In Russ.).
5. Dyumon L. Homo hierarchicus: Caste System Description Experience. St. Petersburg; Evrasia Publ.; 2001. (In Russ.).
6. The Laws of Manu. Moscow: Eksmo-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
7. Isaev IA. The idea of order in conservative retrospect. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
8. Isaev IA. Solidarity as a political and legal state. Moscow: Prospekt Publ.; 2009. (In Russ.).
9. Mestre J. Essay on the postponement of Divine Justice in punishments of those responsible. In: On the postponement of Divine Justice in punishments of those responsible. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2017. (In Russ.).
10. Platon. The State. Collection of Works. In 4 vols. Vol. 3, Part 1. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; Oleg Abyshko Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Tonton G. Primordial traditions. Moscow: Totenburg Publ.; 2022. (In Russ.).
12. Evola Yu. Rebellion against the modern world. Moscow: Prometey Publ.; 2016. (In Russ.).
13. Evola Yu. People and Ruins. Moscow: Opustoshitel Publ.; 2019. (In Russ.).
14. Evola Yu. The coming of the fifth estate. *Warha*. 2019;6:110-114. (In Russ.).
15. Eliade M. Myth of Eternal Return. In: Selected Works. Moscow: Ladomir Publ.; 2000. (In Russ.).